

Одуванчики Поволжья.

Эмма Рейтер

Посвящается моему отцу
и его друзьям-
ссылным немцам Поволжья.
А также дорогой мамочке
- участнице Великой Отечественной войны.

Глава первая. Чужаки

Поздним майским вечером 1945 года к берегу деревни Писаная, что на Северном Урале, причалил полуглиссер. Надрываясь, он притащил за собой огромную баржу, битком набитую людьми.

Что за народ? Откуда? Зачем их привезли? На эвакуированных вроде не похожи. Да и война уже закончилась. Странно как-то. И одни мужчины.

После небольшой заминки с баржи сошли люди - человек тридцать. Их построили прямо на берегу, рыженький лейтенант НКВД провел перекличку. Затем подозвал к себе одного человека из строя, что-то ему объяснил, сунул в руки лист бумаги и быстро запрыгнул на катер, который двинулся вверх по реке.

Прибывшие были разного возраста: старики с угрюмыми серыми лицами, мужчины помоложе и совсем молоденькие ребята, но все – с прозрачной кожей, под которой голубели кровеносные сосуды, и глубоко ввалившимися скорбными глазами. Одеты они были в обноски и рваньё.

Расположившись на берегу, чужаки стали осматриваться. За рекой уже догорал холодный багровый закат.

К прибывшим приковывал хромой старик, назвался колхозным сторожем Демьяном Акимычем. Начал расспрашивать: кто такие да откуда, зачем пожаловали. Из ответов ничегошеньки не понял. Про себя подумал: «Татар понавезли!» А «татарам» сказал:

- Ладненко, утром разберёмся, - и куда-то пошел, переваливаясь как утка.

Вскоре он вернулся с коренастым мужчиной, тоже прихрамывающим. Сидевшие на земле люди нехотя поднялись; один из них вышел навстречу пришедшим. Это был высокий красивый блондин. Он представился:

-Вурц Альберт. Ми немцы-трутармейц. Приплыли на поселен в ваш теревня. Нам нушно шильё и рапота. Он довольно сносно говорил по-русски, поэтому его выбрали старшим группы. Остальные молча смотрели на подошедших. Дрожа от холода, голода и усталости: их почти сутки от станции Соликамск везли вверх по Вишере. На битком набитой барже. Стоя. Катер причаливал в назначенных местах. Там высаживали по несколько человек и отправлялись дальше. Эта деревня была уже девятой остановкой.

Мужчина тоже представился:

- Фёдор Иванович, председатель колхоза. Сейчас уже поздно, вся деревня спит. Утром и устроим вас кого куда, а пока пойдёмте-ка в амбар. Половина его пуста, там и отдохнёте.

Молча построились, всё так же молча потянулись за председателем. Амбар находился неподалеку. Просторный, наполовину засыпанный зерном: часть зерна, видимо, уже была посеяна – шла посевная. От духмяного запаха пшеницы прибывшим невыносимо захотелось есть.

Указав место, где можно было прилечь до утра, председатель отправился домой. Часа через полтора опять приковывал Акимыч, неся большой чугунок картошки в мундире. «Налетай, мужики. Бабка моя собрала вам немного еды». На картошке лежал шмат сала; старик запустил руку за пазуху – и рядом с чугуном на столе появился каравай. Альберт, как старший по группе, отодвинул в сторону кипу каких-то бумаг, нарезал сало и хлеб мелкими ровными кусочками – по количеству человек – и подозвал остальных.

Ели молча, сосредоточенно, торопливо. Горячую картошку пихали в рот прямо с кожурой, обжигая губы и нёбо, не чувствуя боли. Но насытиться не удалось: еда закончилась быстро. И только тогда они заметили старика. Акимыч, как оказалось, не ушёл. Он тихо стоял в дверях и смотрел на худых, бледных, голодных мужиков. На глазах его блестели слёзы. Кто-то, повинувшись внезапному порыву, подошёл к нему со словами благодарности за неожиданный ужин; за ним сразу же выстроились и остальные. Акимыч утер наворачивающуюся слезу, махнул рукой и заковылял домой.

Поселенцы погасили фонарь, висевший у дверей, повалились снопам на расстеленную на полу солому: «Спать-спать-спать...»

Глава вторая. Нерадостное знакомство

Солнце уже ярко светило в маленькое оконце, когда на пороге вновь возник Акимыч. Он сказал, что председатель велел им подходить к конторе. Немцы поднялись, сложили в угол солому, подмели амбар и сбегали на речку умыться. Акимыч повёл их в деревню.

Красивые были места! Деревня стояла на высоком берегу реки; широкая, полноводная, несла та обильные рыбой воды. Справа от деревни в воду обрывались отвесные скалы. Одну из них венчал огромный деревянный крест. По-над деревней сплошной стеной тянулся густой смешанный лес; он спускался вниз и далеко, насколько мог видеть глаз, простирался по берегу. Немцам показалось, что этому лесу нет конца и края, что он заполнил всё пространство. Но за лесом лежали ещё поля, на которых они будут трудиться. Но об этом узнали они потом.

Пройдя по небольшой широкой улочке, на которой стояли крепкие добротные дома, поселенцы свернули направо и оказались перед большой избой, на которой развевался красный флаг. Рядом с крыльцом, на стене, висела доска с корявой надписью: «Колхоз „Красный Север“». В этот колхоз ещё никого не привозили: ни поселенцев, ни «указников», ни

репрессированных, ни раскулаченных.

На крыльце стоял председатель Фёдор Иванович, к нему подковылял Акимыч. Это были пока все трудоспособные мужики в колхозе с таким гордым названием. Из всех ушедших на войну вернулись пока трое, которые «ушли в отрыв», – всё ещё отмечали Победу. То были: Гришка Смоленский по прозвищу Смола, Васёк Ильиных (Рыжий) и Митя Терентьевич Ильиных (Тюря) на деревянной ноге. Героям было пока не до посевной, впрочем, деревня на них и не надеялась, хотя и гордилась их подвигами: у всех троих грудь в орденах.

Перед конторой собралась большая толпа баб с инвентарём и узелками, чтобы сразу после собрания идти в поле. Фёдор Иванович подозвал Альберта и попросил список поселенцев. Бабы бросали на немцев косые взгляды, иные смотрели исподлобья, хмуро, даже враждебно; переговаривались нарочито громко.

Видно, «сарафанное» радио уже донесло о прибывших «фашистах».

Председатель посмотрел в список и почесал затылок: таких фамилий ему не выговорить. Хотя он был уже осведомлён, что привезут немцев, – русских немцев, своих, но военное время перевернуло в умах людей все понятия. И теперь председатель настороженно смотрел на баб и пытался предугадать их реакцию на то, что придётся брать этих немцев на постой. Наконец, почувствовав, что затягивать паузу дольше невозможно, Фёдор Иванович начал речь:

- Вот, стало быть, бабоньки дорогие, привезли к нам на работу в колхоз подмогу. Надо их расселить по избам. Я сейчас буду читать фамилии, те, кого назову, выйдут из строя, а вы разбирайте их, кто сколько сможет принять.

Тут из толпы выскочила Дунька-телятница - высокая дородная баба - да как заорёт:

- Да что ж это делается, бабы! Это ж нам фашистских недобитков привезли! Они наших мужиков поубивали, детей осиротили, а мы их на постой? Не бывать этому! Бейте фрицев, бейте их, гадов, бейте до смерти-и-и-и!

С воплями и проклятиями кинулись бабы на немцев. Те пытались убежать от проявления такого «гостеприимства», но бабы плотно взяли их в кольцо и принялись колотить чем ни попадя, кто что успел схватить: в ход пошли ведра, грабли, вилы и просто камни. Немцы не отбивались, лишь прикрывали лица и головы. Многим крепко досталось: у кого текла кровь по лицу, кто держался за голову, кто потирал спину или затылок. Вступать в конфликт с местным населением им было нельзя. Бабы разошлись не на шутку. Фёдор Иванович понял, что словом их не остановить, выхватил у Акимыча ружьё и выстрелил вверх. Бабы с визгом присели и затихли, затыкая уши.

Воспользовавшись минутой затишья, Фёдор Иванович успел выкрикнуть:

- Охолонитесь, бабы! Что ж это вы делаете-то! Это ж наши немцы, свои, советские. С Поволжья они, с Волги. У них тоже семьи пострадали в этой войне, где-то мыкают горе. А эти прошли трудовую армию, работали для Победы, как и вы. Они не виноваты, что Гитлер напал. То другие немцы - фашисты, а эти горемыки ни при чём. Надо расселить их по избам.

Отнеситесь с пониманием.

Но тут вперёд вышла Матрёна, вдова, знаменитая доярка, и сказала громко, как отрезала:

- Не пуш-шу ни-ка-во и всё тут! У меня бабка-свекровь больная и трое сирот!

Повернулась, пошла прочь, не оглядываясь. Несколько бабёнок решительно устремились за ней; остальные понуро перетаптывались, глядя под ноги. Потом и они стали расходиться, не взяв на постой никого.

Немцы стояли в напряжённом ожидании. Что же теперь будет? Этих женщин, убитых горем, изнуренных работой и тревогой за детей, тоже можно понять. Колхоз-то только на них и держится.

Вскоре от всей бабьей толпы остались только двое, которые изъявили желание взять немцев к себе: бабка Лукерья семидесяти лет и молодая вдова Ульянка. Лукерья взяла двенадцать человек. У неё было две избы, соединённых сенями. Когда-то в этих избах было много народу, кипела жизнь. Но пришли горькие времена и каждому определили своё место на земле: кого «чёрный ворон» унёс по ложным доносам, кого голод поглотил, кто на войне сгинул. Осталась Лукерья со своей больной сестрой Агашей. Места было теперь много. Чего ж не взять бедолаг?

- Пуш-шай живут, нам будет веселяе, - проговорила Лукерья.

А Ульянка взяла сначала четверых, затем, лукаво улыбнувшись белокурому немцу, добавила ещё двоих. Выбирала сама, как товар, оценивая разглядывая молодых парней, у которых ещё был приличный «товарный» вид. Бросила им весело:

- Четвёро будите спать на полатях, двое до холодов - в сенях. А ежели их утёплить, то можно и зимовать смело.

Немцы согласились, и бойкая бабёнка повела их к себе.

Бабка Лукерья подошла к «своим», которых отобрал Альберт. Оглядела их тёплыми, хоть и с хитрецей, глазами; видели глаза плохо, но нутро подсказывало, что люди добрые.

– Ну что, лихие вы мои, пошли за мной!

Глава третья Приживание

Остальных до осени поселили в амбаре. В правом углу амбара стояла железная печь с выходящей в окно трубой. На ней они готовили пищу. В дальнем углу срубили трое двухэтажных нар и одну лежанку. Самого молодого - худенького Сандера поставили поварничать. Это у него неплохо получалось. Мог приготовить обед из ничего. Да и русский знал сносно: до войны учился в Сталинграде, в школе ФЗО, мог у сельчан что-то выпросить.

Трудармейцы были распределены на работу в колхоз по звеньям. Одни на лошадях пахали поля и неудобцы, которые засеивали клевером — на силос. На полях сеяли рожь, пшеницу, овёс.

Другое звено заготавливало сено: косили, сушили, сгребали в копны, стоговали. Часть сена свозили сразу к фермам и складывали на сеновалах, чтобы до снега было чем кормить скот, прочее вывозили уже по зимнику на деревянных санях, скирдовали на пустых выгонах возле ферм.

Третье звено занималось заготовкой дров на зиму. Зима здесь тянулась долго, по шесть месяцев, дров требовалось много. Да ещё надо было обеспечить ими всех стариков и вдов, клуб, магазин, школу и ферму.

Работы хватало на всё лето до глубокой осени. Мужские руки нужны были везде. Работали подростки, старики и даже инвалиды - все, кто ещё был в силе.

Сандера поставили вывозить сено и обслуживать конюшню (на фото: Сандер 1946г.). В деревне его прозвали Заморышем. Прозвища здесь давали всем; приклеивались они накрепко, не на одно поколение. Немцы не обижались: это означало, что они становились для местных своими. Но были ещё среди крестьян такие, которые затаили злобу, при встрече бросали косые взгляды, плевали вслед.

Многие недопонимали: как так - есть немцы-фашисты и немцы-русские? Никто даже не слышал про Республику немцев Поволжья. Знали одно: все немцы – фашисты. Для вдов, лишившихся кормильцев, они были врагами. Раны заживали долго.

Но и у немцев были свои раны: почти все они потеряли своих родных, свои семьи, детей, а главное - родное Поволжье. Многие смирились с судьбой и решили пустить корни на новом месте. Да и какая разница, где?

Ведь повсюду, некогда в своей стране, они стали ненужными, врагами.

А работали «враги» на удивление всем отлично. Председатель не мог нарадоваться на таких молодцов, благодарил Бога, за то, что послал ему таких помощников – исполнительных, безропотных и безответных.

За лето колхоз наготовил и дров, и сена, и овощей.

Наступила осень. Амбар наполнился запасами. Зимовать немцам, которых не взяли на постой, стало негде. А зима обещала быть долгой и холодной.

Фёдор Иванович не раз собирал сход, просил народ проявить уважение и жалость к работягам: разве не заслужили они своим трудом уважительного отношения? Но народ молчал. (На фото колхозники. В центре: председатель Фёдор Иванович. Внизу, слева в пальто – Зоя. 1942г. Из семейного архива.)

Перед Покровом председатель вновь собрал сход, надеясь на то, что люди вспомнят про заслуги немцев перед деревней. Но колхозники сидели молча, опустив головы. Ждали, кто же осмелеет достаточно, чтобы взять этих горемык. Терпеть дружное неодобрение, ловить на себе косые взгляды не хотелось никому. Молчание затягивалось.

Вдруг, вскочила Дунька-телятница, - зачинщица майского побоища и громким командирским голосом заявила:

- А чё, бабы! Они - парни ничё. Всего наготовили. Дров на зиму, картошку помогли убрать, ямы просушили. Это... сараи, хлева починили, крыши подлатали, изгородь поправили. Чё не так-то? Ну-тко, гните пальцы, кому они чё не сделали? Зима ить на дворе, ить они ж тожа люди. А вы кто посла них? Неча шибко раздумывать: брать надо мужиков! Я возьму троих. Пусть сами решат, кто ко мне пойдёт. Ить вот же, бояться что ль меня до сих пор, дуру этакую?

Народ, слушая Дуньку-Бандершу (такое уж ей дали прозвище), замер. Тишину нарушил Фёдор Иванович, захлопав в ладоши. Все повскакивали, окружили

Дуньку, стали обнимать, хвалить. Желаящие ринулись к столу, где сидел председатель, и стали брать на постой остальных. Разобрали всех кроме Сандера-Заморыша.

Он сидел на скамье в углу, теребя в руках кепку. Ему-то куда податься? В амбаре холодно и в ларе, в котором он проспал всё лето, теперь насыпано зерно.

Огромными голубыми глазами впился Сандер в председателя, а тот смотрел на него. Да... вопрос. Заморыш работал вместе со всеми в поле и на сенокосе, помогал в деревне, да ещё готовил еду своим товарищам. Он был шустрый, быстрый на подъём, весёлый, всегда шутил и пел. Все его в деревне уважали, а он уважительно относился к местным. Несли ему картошку, сало, капусту, молоко. Но взять на постой побоялись из-за худобы: не жилец. Мол, вдруг чего с ним приключится, отвечай потом. И напрасно: даром что тонок – был Сандер сильный, жилистый.

Председатель встал, молча собрал со стола бумаги в папку, и только тут произнёс то, что, видимо, решил с самого начала:

- Ну, что, парень? Пошли к моей матери, бабке Акулине, ей тоже нужен помощник. Она нынче совсем ослепла. Уже восемьдесят стукнуло.

Вместе вышли из клуба и направились на Верхнюю улицу.

Бабка Акулина встретила сына приветливо, знать, любила его, но вдруг насторожилась:

- Ты, Федюня, кой-но привёл?

- Я, маманя, привёл тебе на постой парнишку из привезённых мужиков (что немцы – не посмел сказать).

- А, энтих, которых баржа притаранила? Бабы сказывали, тожно (будто) одни кости привезли. Верно, Федюня?

- Да ничего, маманя, уже выправились за лето, на людей похожи стали. А как, маманя, работают, как работают! Молодцы!

Орлы! А наши-то горе-герои до сих пор квасят, всё никак отдохнуть не могут. Уже зима на дворе, а у них - конь не валялся: дров нет, сено не поставили. Опять колхоз им помогать будет, на него надеются, окаянные. Ну, да ладно. Маманя, ты тут не обижай паренька. Он тебе и за девку будет, всё сделает. А теперь – бывайте.

И Фёдор Иванович ушёл.

Бабка Акулина подошла к Заморышу, потрогала его плечи кончиками пальцев, прикоснулась к лицу, улыбнулась.

- Ну, чо ж, горемыка, будем как-то жить. Изба у меня тёплая, печка русская, полати. Ничё, перезимуем, а там, Бог даст, и выправишься. Давай вечерять будем. Неси из печи щи, сноха наварила, и хлеб нарежь.

Она села за стол, положив перед собой большие жилистые руки.

«Видно, что этим рукам досталось за долгую жизнь, наработались», - подумал Сандер.

Он ловко нарезал хлеб, разлил в деревянные миски варево, положил деревянные ложки и сел. Бабка Акулина перекрестилась и принялась за еду. Заморыш тоже взял ложку и начал уплетать горячие щи. Он и не заметил, как съел их, запахом своим напомнившим о родном доме. Акулина похвалила его, предложила взять добавки.

И вдруг ему показалось, будто это его бабушка, его дом! Так стало легко и хорошо на душе!

Акулина взобралась на печь - спать. Заморыш вымыл посуду, убрал в корзину хлеб и спросил, куда ему ложиться. Акулина указала, где взять постель, и велела лезть на полати:

- Там тьяпле (теплее), чем внизу. Тебе хворать не положено.

Он залез на полати, укрылся ситцевым, лоскутным одеялом и сразу уснул. Снился ему - впервые за эти жуткие годы - светлый, весёлый сон. Тепло и блаженство окунули его в детство. Давно ему не было так хорошо.

Глава четвёртая. Новая жизнь

После колхозных работ поселенцев перевели на лесосеку, на заготовку леса. Заморыша поставили возчиком. Готовые брёвна он должен был возить на берег реки, где их укладывали в штабеля. Парни крепче валили лес. Бабы, у которых в колхозе не было работы зимой, рубили сучья, готовили обеды бригадам.

Заморыш похвалился своим друзьям:

- Я как- путто тома шифу, а Акулина – как моя пабушка. Только слепая.

Друзья всегда оберегали Заморыша, защищали его, радовались всему, чему он был рад. Сегодня они были рады, что председатель поселил Заморыша к своей матери, значит, голодать он уже не будет и, возможно, выправится. Его неестественная худоба и бледность очень их беспокоили. Парня часто донимали боли в желудке: последствия невыносимых условий и отвратительной еды в трудармии давали о себе знать. Медпункта в деревне не было. Лечились травами. Фельдшер приезжал раз в месяц - осмотреть детей.

По утрам Заморыш вставал рано: топил печь, ставил на стол чугунок с картошкой, хлеб и молоко, которое приносил Илья - внук Акулины.

Заморыш завтракал, собирал сумку с обедом и уходил на весь день на работу в лес.

По вечерам, когда уже они с бабушкой поужинают, залезал к ней на печь, и она ему такие байки рассказывала – заслушаешься! Порой он и засыпал там, разомлев в тепле. Всё ему напоминало жизнь у родной бабушки в селе Фольмер, в любимом Поволжье. Но от судьбы не уйдёшь: надо приживаться тут. Похоже, что их никуда отсюда не отпустят.

Вскоре воскресенье сделали выходным днём. В этот день, или накануне, хозяйки, у которых квартировали немцы, топили баню, варили щи, пекли пироги. К праздникам ставили бражку на ягодах. Иногда собирались у кого-нибудь в гостях или на природе. Одевались немцы скромно, но прилично. Были у них свои музыкальные инструменты: гитара, баян, мандолина. Когда собирались на природе, то песни пели свои, поволжские, на родном языке.

Бабам поселенцы нравились своей аккуратностью, трудолюбием.

Дунька-Бандерша притихла. Очень довольна была, что Генрих Дерр стал помогать ей по хозяйству: носил воду из реки, кормил скот, убирал в хлеву, что-то постоянно чинил. Дети к нему привязались, называли его дядей Геной. В доме – покой и порядок. К Новому году они поженились. Генриху пришлось ждать разрешения вступить в брак с Дунькой, которую он называл Душечкой. Разрешили, но без регистрации. Дунька не скрывала своего счастья. (Потом родятся у них трое детей).

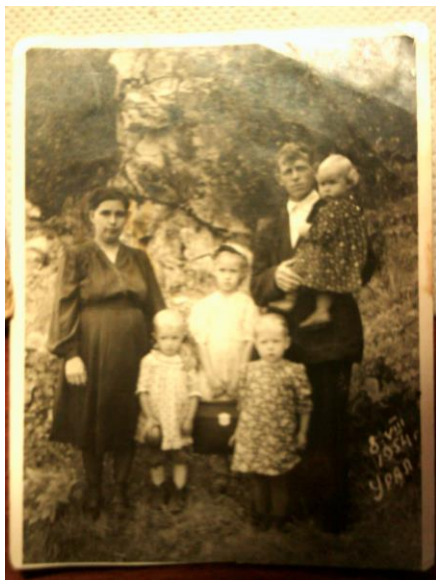
Народ стал относиться к немцам по-доброму. Иногда в гости приглашали, на подмогу звали - ведь немцы всё делали хорошо, ловко, быстро и не пьянствовали.

К лету 1946 года ещё четверо обзавелись семьями: первым женился Альберт Вурц на Тоне Вареник, учительнице. Он переехал в посёлок Нижний Родник, где жила она с родителями - бывшими «кулаками» с Кубани. У этих «кулаков» всего-то богатства было, что шестеро детей и пять пчелиных ульев. За этих-то пчёл их и раскулачили. Под Таганрогом, где жили Вареники, была у них большая пасека. Дед Вареник, Андрей Фёдорович, вывез десяток пчёл в подмышках, спрятав их в мешочек и подвязав к плечу. И здесь, на седом Урале, он развёл пчёл, качал мёд и кормил им всех, кто пожелает. Мёд служил и лакомством и в качестве профилактики от простуды. Работал дед Вареник ещё и продавцом в магазине.

Второй парой стали Иван Кноль и Маруся-сербиянка. Семья Маруси вообще случайно попала на Урал: до войны её отец работал в Москве, в посольстве. Семью он вызвал к себе в начале июня 1941. Из Сербии они добрались только до Крыма,

там попали под бомбёжку. Бежали кто куда мог. Приютили их татары, которых в 1944-м депортировали на Урал, в Молотовскую (Пермскую) область. Заодно с татарами депортировали и «приблудившихся» сербиян: разбираться, кто кому кем приходится, было некогда и некому. Так и оказались они на Урале. (В семье Кноль появятся три дочки: Эрна, Миля и Катя. В 1956 году они уедут на Кавказ). Третьим женихом стал Герберт Цайтлер. Женился он на украиночке Аннушке. Будет у них пять дочерей – настоящая женская команда! (И они в 1956 покинут спецпосёлок Нижний Родник: уедут в Оренбургскую область).

(На фото из домашнего архива: *семья Герберта Цайтлера*.)

Герберт был самым душевным другом Заморыша. Потом они будут вести переписку и Герберт будет звать Сандера к себе в Соль-Илецкий совхоз. Сандер не сможет выехать по состоянию здоровья, так как ему прооперируют больной желудок. И свою семью в семь человек он физически не сможет вывезти в Оренбуржье. Так Сандер и останется в земле уральской.

Четвёртым обзавёлся семьёй Рудольф Штоллер: взял в жёны Герту-литовочку. Родятся у них четверо сыновей. (В 1956 году они уедут в Краснодарский край, к родителям Рудика, которые после депортации перебрались туда.) На родину, в Поволжье, никого из них не пустили - у всех была статья «без права возвращения на

родину», а некоторым заменили статью: «вечное поселение», в том числе и Сандеру-Заморышу.

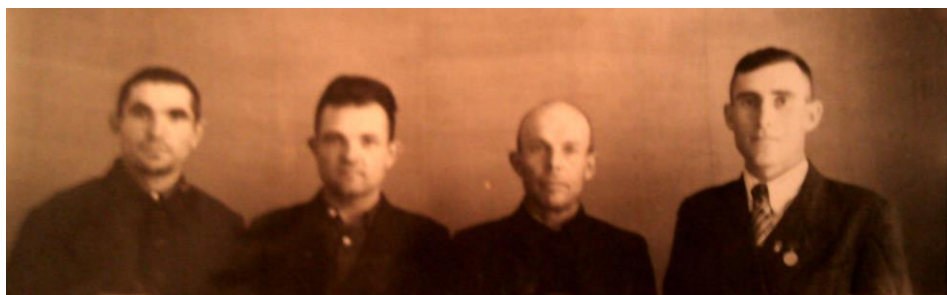
Был среди поселенцев мастер по изготовлению лыж и салазок для детей - дядя Сандер Каугер - мужчина лет пятидесяти, крепкий, высокий, весь седой. Детвора гурьбой толпилась вокруг дяди Саши. Он говорил по-русски, но с таким акцентом, что дети заливались смехом. Работал дядя Саша в столярке, которая была пристроена к амбару. Работы у него было много: выполнял заказы для колхоза и людям в их просьбах никогда не отказывал. Но любимым его занятием в свободное время было именно изготовление салазок.

До «чёрного августа» 1941 года у Каугера была большая семья: мать, отец, жена и семеро детей. После депортации не осталось никого. Родители и трое детей умерли в дороге, потому что в вагоны напихали и больных, от которых заражались здоровые. На Алтай прибыла только третья часть от битком набитых одиннадцати вагонов их эшелона.

Не успели как следует устроиться - дядю Сандера забрали в трудармию. На беду младшему ребёнку в 1942 году исполнилось три года - и жену Каугера - Авелину, тоже оторвали от семьи, отправили в трудовую колонию под Челябинск, где она и умерла через год от чахотки. Четверо детей, оставшиеся без родителей, бродили по деревням, попрошайничали. Никто не брал их в семьи: у всех - семеро по лавкам, своих бы прокормить, к тому же уже шли «похоронки» с фронта. Зло и ненависть к «немчуре» хлестали через край. Все же детей пожалели: отправили в Оренбург, в детдом.

Найти их после войны дядя Саша не смог. На его запросы приходили ответы, что нигде такие не значатся. Мысль о том, что детей уже нет в живых, сидела занозой в мозгах. Он очень тосковал по ним. Вот почему изготовление саней приносило ему большую радость. Довольный он выходил из столярки и смотрел, как дети скатываются с пологой горы, и с визгом несутся вниз, на реку. Смахнув украдкой слёзы, он возвращался к верстаку.

К весне 1946 года дядя Саша сошёлся с одинокой бездетной вдовой Розой. Они тихо жили в её маленьком домике. В 1947 году они переедут в посёлок Нижний Родник, где соберутся вместе все поволжские немцы. (В 1956 году они уедут на Алтай, в Косихинский район). Это было место его депортации. *(На фото из домашнего архива: слева направо: Каугер Александр Фридрихович, Штоллер Рудольф, Дурбан Якоб, Гек Людвиг 1948г Передовики лесопункта.)*

Глава пятая. Рассказ Акулины

Заморыш Сандер после работы теперь чуть не бегом бежал домой, к бабушке. Сготовит он ужин, повечеряют - и сразу на печь, старушкины байки слушать. Так и коротали они длинные зимние вечера.

Но на этот раз бабушка долго молчала, всё смотрела куда-то своими белыми пустыми глазами, шептала что-то про себя. Он было подумал: уж не помирать ли она собралась? Спросил, что её тревожит, и услышал:

- Не верю, что моя внучка сгинула. Не верю... сердце сказывает, что жива она.

Заморышу стало интересно: про кого это она говорит? Спросил. Помолчала бабушка, собралась с духом и повела рассказ:

Садись и слушай. Пора рассказать, а то, неровен час, помру, и не узнашь. Внучка моя, Зоя, - как забрали её на войну, в апреле 1943 года, так два письма токо и пришло. Одно из города Горькова, там она училась на каково-то шофера. Потом ишло из Курску было - и всё. А в августе того же года пришла энта самая... похоронка. Федюня мой получал. Мне долго не сказывал. Нонче только сказал, когда Победу праздновали. Я, ить, так и окаменела. Но ни слезинки нетути, сердце не признаёт разлуку. Чё-то всё теплится в душеньке, не хочет она плакаться. Знать, где-то, чиво-то напуталось - война ведь страшная шла, а Зоя, моя сладушка, сиротинка, тамо-ка где-то воевала.

Это девичье ли дело - воевать-то? А её, голубушку, прямо с фермы забрали. Окое-как успела прибегнуть, со мной обнялась, узелок направила - и в двери, там-де из вонкомату ждут. Вона как было... Видно уж мужиков не хватило. А вас-то пошто не взяли на фронт? Да и то верно, Федюня мой, ить, грамотный, много знат про вашего брата, да сказывать нельзя. А он шибко вас уважат. Говорит, вас-де не по закону обидели, нахлебались и вы горюшка, да... Ну, вот про внучку и обскажу тебе, касатик, слушай.

Она тоже намыкалась с детству. Жили они вверх по реке, в деревне Усть-Улс. Это вогульска деревня. Моя дочка, Варюшка, туда взамуж ушла. Приглянулась она Сашке Соловарову, увёз, варнак, её от меня далёко. Редко прижжали. В 1924 году у них народилась Зоя. А Сашку ишло в тридцатом годе куда-то увезли, за песни вольные, про Ленина-Сталина. Он, ить, сам сочинял их-то и пел частушки под гармонь. Ох, и мастак был голосить-то! Вот кто-то донёс на его и упекли, свезли на «воронке» - и не знам по сих пор, гдей-но он.

А Варюшку, мою доченьку, у тридцать первом годе ёлка зашибла на лесосеке. До дому-то привезли, а через неделю преставилась милая. Всего-то двадцать семь годков было касатушке. Осталась Зоя в семь лет сиротинушкой.

Жила тамо, у бабки Арины-вогулки. Потом вогулка занемогла и отправила её зимой с обозом к нам в деревню. Она, ить, внучка мне, куды её девать? Думала, что Федюня её к себе возьмёт, у него двое сыновей всего, но жена его, Дуняшка, несогласная была, за своих боялась, что отца у Зоеньки забрали не зазря-де... У второва мово сына, Миши, мал-мала меньше, четвёро душ с полатай смотрят. Миша-то на войне погинул ишо в 41-м годе, под Ленинградом.

Сама я ослепла после смерти старика, колды медведь его заломал на охоте. Вот и пришлось Зоюшку отдать в дети к Ивану

Андреичу, брательнику Мишиной тѣшши. У него уже росла внучка-сиротинка Клава. Они побогаче жили. Он охотничал да рыбачил. Правда старуха его, Лукша, была суш-шая зверина. Гоняла Зоюшку по всем делам. Девка у их как ботрачка была. Свою родную внучку холила, а Зою мурдовала да побивала.

Так она и росла. Часто ко мне прибегала и жалилась на тяжкую жисть. Училась хорошо, в школе хвалили, грамоты давали. Четыре класса закончила в деревне. В пятый класс её Иван Андреич увѣз в город, поселил к своему племяшу Алѣше. Тот на вызовах работал фершалом. А жена его не работала.

С Востоку из армии привѣз себе кралю. Тока белоручка была, ничѣ сама не делала по дому. Опять Зоя в кабалу попалась: стирала, полы мыла, еду варила, да ишо их сыночка в ясли на себе верхом возила, по пути в школу.

Жили они в городе, на Сталинском посѣлке, а в школу она ходила до комбинату. Сидела в школе до вечера, штобы на обратном пути опять Костика забрать. И уроки делала в школе. ГолОдна цельный день. Надоело ей маяться, а учиться надо. Как-то обозники из деревни были в городе, шкуры сдавали и пушнину, так она с имя напросилась и сбежала. Так больше не пришлось учиться ей. Училась-то ить хорошо. Вон, грамоты-то на стенке видал? Висят две. Жалко, токо четыре класса получила. А уж, беда как, хотела науку знать. Не судьба. Да...

Потом на зиму Иван Андреич увѣз Зою в лес на заимку охотничать. Так ни одну зиму она с ним там прожила: обед готовила, мясо солила в логуны, шкуры дубить помогала. Весной вертались с запасами. Все летА таскал её по реке, рыбачили. Бедная моя, все ноженьки позастудила. Не берегли они девку, не жалко, не своя ить. До пятнадцати годков тамо-ка прожила и сбежала от них ко мне.

«Не уйду от тебя, бабушка, хоть гони.»

Так у меня и осталась.

Ну, ладно на сѣдни, иди спать, утром рано, ить, вставать-ту.

Заморыш слез с печи, лёг на лавку у окна и уснул. Оставшуюся ночь снились ему солнечные луга и смешливая белокурая девчонка, которая бегала по этим лугам, распевала песенки и ловила бабочек.

Глава шестая. Судьба Заморыша

Вечером после работы он нѣсся домой на крыльях северного ветра. Ему не терпелось услышать от бабушки продолжение. Весь день в голове вертелось только одно: «Соя, Соя, Соя... Станный имя... Пыстрее томой, томой!»

Забежав в дом, он схватил вѣдра и помчался на реку - за водой. Прорубь почти затянулась льдом. Расколос её, отодвигая шугу, начерпал воды. Молнией влетел в избу, поставил обледенелые вѣдра на лавку, растопил печь, задвинул в неё чугунок с картошкой и свеклу на парѣнки. Здесь, в таѣжной деревне, он узнал, что из свеклы можно приготовить нечто похожее на арбузные цукаты, какие делала его мама. Эти парѣнки пахли домом, его детством.

Когда поужинали, бабка Акулина полезла на печь, а он, как всегда, забрался на полати и притих в ожидании рассказа о Зое. Но на этот раз бабка Акулина схитрила: заставила его рассказывать о себе - откуда родом, кто родители и где они, как вышло, что тут очутился.

Долго Сандер не мог начать рассказ. Такую короткую жизнь он прожил, а чувствовал себя старичком, чьи плечи придавила тяжесть лет, полных страдания. К тому же стеснялся, что не все слова мог выговорить правильно, не всё мог объяснить на русском. Бабка Акулина с мягкой настойчивостью постепенно разговорила его. Сандер, запинаясь и волнуясь, начал рассказ. - Ротился я ф селѣ Фольмер, это ф Пофолшьи. Мама в 1938 коду умереть от родах млатший пратик Эдик, - у парня задрожал голос и навернулись слѣзы. Немного помолчав, он продолжил: - Фатер, мой отец шенился на молотая тефка Ирма, штоп фихотить маленький Эдик. Старший прат Ёсип после окончан семлетки уехать к тяде Филипу на Алтай. Я его польше не фидеть. А отец в конец 1938 кота фнезапно вызифали ф Камишин и он польше не фернутья. Пабушка Катя кофорить, што отец уехать комантирофка, а сосетка, злѣй тѣтка, коворить, што мой отец стреляли са какой-то раскас про колод. Он читать ф мастерская казет рапочим, пыл он механик МТС.

Сандер зашмыгал носом и замолчал: тяжело было рассказывать об утрате дорогих ему людей.

- Потом месяц - тругой и Ирма сбешать от нас. Сачем ей такая ноша? Она молотая была, своя семья нато саводить. Меня с полногодовалим пратиком фсять к себе пабушка Катя, которая пыть сестра моя пабушка Мария. Пабушка Мария и тедушка Якоп умереть от колод в 1933 год. Я рапотал летом с пабушка Катя. Саготовлять сено тля скотина, упирать арпузы, тыква с пахча, рыпка ловить. А как вкусние пекля пабушка пулочки, штрудели, а по прасникам - кухен. Какие она телать калушки с фышарки... Я пы очен сечас покушать хотеть... У фас такой кушани телать?

Сандер немного повеселел от этих тѣплых воспоминаний. Собравшись с духом, он продолжил.

- Потом, в 40-м кот пабушка отправить меня в Сталинкрат. Там я учиться код в школе ФЗО при тракторний савод на токаруниферсаль. Июнь 41-го и я сакончить её и нас с тругими пареньками отправить ф колхоз на упорка урошай. Но две недели ми там пывали и пришла фойна. Нас оставить на упорку урошай то осень. Некоторый репята схотить военкомат, просить на фронт, но их всять не мошно, мала лет и опять отправить на упорочну. Жильи ми на полевом стан. Конец афкуста прискакать курьер на коне и скасать, штоп ми шли ф селѣ. Толко постним фечер ми пешком топрались то селѣ. Саночевать ми ф контора. Утром нам скасальи сопраться на станций. Толко ми пришли на станций, там уше пыло мноко нарот, с детьми, с паулами, с мешками. Кто кричать, кто плакать, кто рукались... Нам тольком никто ничего скасать не мок, что тут происхотить... так билѣ...отшень страшно билѣ..

Пришѣл парофос с факонами-«телятники» и начались покруску. Тут бешать солтат с финтофка и кричать на нас, штопы ми тоше салесали ф факон. Ми стали спросить, сачем и кута нас сопрались фести, то офицер ф форме КГБѣ сло кричать: «Ф Сипирь фас, немчуру поканую, штоп стохли там фсе!»

Так покрусить... всех пацанов вместе со фсем нарот... ф факон, ф который мошно ехать толко стоять.

У Сандера опять навернулись слѣзы, задрожал голос и он замолчал. Бабка Акулина погладила тѣплой рукой его по плечу и прижала его голову к груди. Успокоившись, Сандер продолжил свою горькую историю.

- Ф серетина факон стоять польшая бочка с фода, шелесный печка и шла труба в окон. Ф углу пыл лешать хворост и солома. Печка топить, штоп теплѣ билѣ.

«Кута это нас фести? Люче пы на фойна упешали», - саплакать Отто.

Фосле нас стоять фисокий хутой старик, он скасать нам: «Нас фсех фести ф Касахстан. Укас пришёл из Москва. Не тали таже сопраться как нада. Наферно, не надолко уфосят, пока итёт фойна. Мошет, к лючему, штопы мы не постратать от помпёшка. Потом фернёмся, кокта фсё утихнуть путет».

У нас не пыло ни токумент, ни кушать. Но скасаль, што на остановка путут кормить. Мы не кушал фесь сутки.

Кушать тафать, но отин рас ф тень. Потом нетелно кормить рас ф тва тень. Тафать немношко хлеба. Фода фарить на «пуршуйке», но нам никак не тохотить очереть. Ми пили толька токда, кокда на станция саливали бочка пальшую. Ми фёдрами носить из колонка со станций фода и успевать попить ис федра. Так и ехать-ехать, половинка месяц, что поезт уступать место литерным поезтам, который шли на фронт, да и сам выпился из крафика. Вы меня понимает?

Прифесли нас на станций Курчум рано утром. Пыл уже конец сентябрь и осен стесь фстретить нас холот. Отеты пыли ф летний рубашек. Нам фелеть построиться. Потошли тфа челофек и стали отсчитать по тесять челофек, штопы посатитить на потфоды. Ми попросить, штопы нас фместе фсяли, что ми с самой школы фместе. Стесь ночью прошли сильный тошти и крясь распосаться пот колёсам телега. Фокрук фсё до корисонт пролешать кофыльная степ. Ни отнофо терефца!.. Километр черес тесять покасались хилый построек. Это пыла терефня Маралиха. Стесь нас и оставить. Остальные пофесли тальше.

К нам потошёл мушик хромой. Он кромким колос приказать нам итти са ним. Прифёл он нас на рутник. Место быть мрачно: фокруг твух чёрных параков фосфышались окромные коры ис семля и непонятный минерал и мнока сорушений, машин. Мушик, который нас прифёл, рапотал стесь макшейтер и нормирофшик. Он отфёл нас ф парак, покасать кашдому место, койку, выдать нам спецотешту и повести нас ф столова. Там нас накормить перлофка каша и пить чай, настоящий! Токта он пофёл нас ф капинет и саписать фсех ф шурнал. Потом скасать нам: «Отдыхайте пока. А сафтра ф семь утра сопираться на улица». И ушёл. Вот...

Тавай, пабушка, пудем спать. Сафтра ешо буду раскасать, ладна?- по лицу Сандера струился крупный пот.

Акулина глубоко вздохнула, утёрла рукавом слёзы, и опять погладив Сандера по плечу, полезла на печь.

Сандер долго ещё не мог уснуть. Комок, засевший в горле, медленно прокатился внутрь и Сандер тихо заплакал. Перед глазами стояли его самые родные люди: милая мама, строгий отец, его добрейший дед Якоб, ласковая бабушка Мария, друзья, с которыми он делил горе и пайку... которых потом хоронил... Он вспомнил, как спасал его дядя Яша Миних от сатрапов, когда Сандер падал с тачкой... как он выхаживал его больного, не получавшего пайку... как суровыми, зимними ночами он согривал его своим большим сухим телом... «Нет уше их рятюм, отин я остался. Хоть пабушка добрая нашлась, майн Гот!..»

Фото из интернета. Трудармейцы.

На другой вечер Сандер жарко натопил печь и, поужинав с бабкой Акулиной, сам начал рассказ о своей доле.

- Так ми стали шахтёры рутник «Маралиха». Солото мыли. «Фраки нарота» солото для страна мыли! «Фрагам» тоферили такая рапота?! Пошёл новая страница в наш кника шиснь.

Черес код нас сабрать в армия. Ми ратовались, што на фойна попатём. Уфесли нас ф Ульяновскую опласть, ф Чертаклинский раён. Это пыла не армий, это пыл Фолшский испрафительно-трутовой лакерь. От што нас исправить надо пыло? Ми ше не бантит пыли? О, майн Гот!.. Ушасно...

Ночефали ф параках са колючий профолока три рядоф и много фышка и конфой с собака. Строить ми сапасная, шелесная торога. Там нам билё мноко испытать страх, фыжифать каждый тень от колод и холот, как нам остафаться челофек, огле «энкэвтэшных фолки» и фертухай. Мноко ночей нас приводить на допрос. Били по колова, ушей кроф...субов нет... Спрашивать нас свяси с Керманий... Сабыть мама, отец и прат с сестра... всех сабыть... никого не снать...ми есть не человек...нас пудут погубить там, штоб корень не остался...

За тва зима - 1942 и 1943 кот нам пыло схоронить огле три тыш-ша сфои русский немец. Ми снимать с мёртвых фсё, хоронить колыми, а отешта и остаток опуфки шли опять в опорот. Страшно билё всё - спать не мошна...кушать твести грамм хлеп с опилком...щивот болеть, много умирать потом.(*Фото из интернета*)

Сандер утёр со лба пот и замолчал. Его колотила мелкая дрожь. Акулина только охала, да качала головой.

- Нас ис Курчума насывали «фэзошники». Часта летом, блише к ноч, ми оттавать сфую пайка фертухай, ми убекать на полото. Там ми ловить ширный лякушек и шарить на костёр. Кушать пыло тосыта их пелый чистый мяса. Ми сытие прихотить в парак и сасыпать. Я би лякушка памятник стелать, который спасать нас от колод! Так ми и тошили то побета, которая ми приплишали сфоим трутом и на которая фослакать фсе натешты фернуть нас томой, на Фольгу. Но побета принести нам польшую бета - нас отправлять на Урал, в распоряшений Молотовский лакерей. Опять рухнуть фсе натешты на фосфрашен на ротина, ф

Пофолшье. Што штёт нас на Урал? О, майн Гот!..

Сандер резко встал, взял кружку со стола и пошёл к ведру с водой. Зачерпнул и жадно выпил. Затем вернулся к столу, постоял немного и продолжил рассказ.

- Ехали ми тоше сфоей круппа, тершались фсе фместе. К нам ф факон насадить мноко уголофники. Они шуметь, форовать ночью. У меня украли балетка с фещи. Там нисше пельё, носки и полотенц. Не шалько их. Пусть перут. А там билё фото моя семья: отец, мама, все родня. Теперь софсем нет ничто и никто. Один остаться – это отшень быть страшнё... Ми с ними не кофорить. Фесли нас тесять тней, до станция Соликамск. Тальше торога не пыло. Нас пофели на пристан, там покрусили на барша, питком, толко мошна стоять, фезли до Красныйфишер. На барше пыли остаток соль, ф который ми простоять два час, пока топрались до первый пристань. Стесь расрешить нам фыйти и отгохнуть. Челёвек трицать оставить в этот месте. Барша потнимать ферх по река. Ешо черес три час ми припыли в Красныйфишер. Стесь оставить человек птясят. Из наша круппа

сапрала Отто Штеркель. Так он оставаться ф короте.

В Красныйфишера ми переночевать прямо на берегу пристан. Утром сацепил баршу полуклисер и поташить тальше, ферх по река.

Ми люповаться фысоким перегам, тремучий лес. Часто фстречать нам фысокий, красифый, офесный скала, путто нырять под фода. Красота феликий! У нас на Фольга тоше красифо. На туше стать как-то спокойно. Нас фесли в глухая тайка, на фышифаний и испытаний сутпа. Стесь, на этот перегах, путет наш послетний пристан. Нофая ротина. Нофая шиснь. Свой ротина путем витеть толка ф сон...

Заморыш замолчал. Бабушка лежала, уставившись белыми, ничего не видящими, глазами в потолок. По лицу её текли слёзы. Она ещё долго молчала. Потом выдохнула тихо:

- О-хо-хо... Я, ить, как видеть не смогла, то стала телом чують людей, нутром. Вот и ты, как перешагнул порог-то, так я и почувяла, что ты добрый человек. Горемыка ты печальная. Твово горя хватило б на целу сотню людёв, а ты всё один прошёл. Ну, ничё, даст Бог, и всё будет ладно - приживётесь, семьёй обзаведётесь.

- Кто ше са нас самуш пойтёт? Мы ше для фсех фраги, фашисты. Это клеймо нам носить до смерть, и тедам наш ешо хватит, если они, конешно, путут, - сквозь слёзы, тихим дрожащим голосом проговорил Сандер.

- Ничё, парень, не все девки дуры. А вы перед Богом чисты, и должён он вас наградить, не век же вам мыкаться. И тута люди живут, ничё, всё сладится. Только ишшо потерпеть придётца. Когда же с вас снимут канвою? Федюня мой сказывал, што отмечают вас, стерегут, тожно(будто) клад какой. Совсем озверели, так над людьми изголяютца. Бог, ить, он всё видит, воздаст он им, супостатам. Не всё им будит масленица, будит им и посный день. Ждать надо и надеяца. Без неё, без надёжы-то, жить нельзя. только она и держит нас. Вона - моя Зоюшка. Сгинула, толдычут, а я не верю, жду и надеюсь. Нутро никак не соглашатца с энтим, шепчет мне: жди, жива она. Меня ужо полоумной кличут. Бог с имя, но нутро моё не подводило ишо меня. Жду, надеюсь. И ты жди. Всё наладица. И тута жить можна. И наша земля вам родной будет, если к ней подоброму. Што поделашь? Нас не спрашивают. Живи и терпи, милай. От судьбинушки не убежишь. Ну, тяперя иди спать.

Глава седьмая. Возвращение

Весна 1946 года пришла внезапно, с горячими, солнечными днями. Снег начал быстро таять, и к концу апрелю уже с Верхней улицы, где жил Заморыш, понеслись целые реки воды. Затопило все огороды внизу у домов. Пробилаь местами травка и яркими зелёными плешинками выступала из воды. Начали выгонять скот из зимних хлевов. Коровы по колено в воде перебирались от лужайки к лужайке, пощипывая сочную молодую траву.

Реку переполняла мутная вода, грозившая выйти из берегов. С шумом неслись последние льдины. На берегу Вишеры громоздились штабеля леса, заготовленные поселенцами. Скоро начнётся сплав леса по реке. Ему предстоит долгая дорога.

Беккер женились на репрессированных девчатах

Началась посевная. Народу хватало, и Фёдор Иванович был очень доволен, что всё шло по плану, без задержек. Глядя на

разномастных немцев - чёрноволосях, рыжих, русских - он тихо и лукаво улыбался в свои тараканьи усы.

«Хороших послал Бог мне работников! Што бы я без них?» (На фото из домашнего архива: стоят слева на право – Гринь Сандер, Штоллер Рудольф, Шрайбер Яков, Вурц Альберт, Цайтлер Герберт; сидят слева на право: Кирхенрейдер Сандер(Заморыш), Кноль Иван, Гринь Иван, Шеффер Фёдор.)

Лес сплавили. Отсеялись. И у домов, в своих хозяйствах, тоже было всё посажено. Немцы, жившие на постое, помогали и своим хозяйшкам. Бабы от такого внимания просто порхали. Сыграли ещё три свадьбы - Сандер Гринь и Клим

из Белоруссии, а Карл Винтерголлер взял за себя Анну Горшкову из деревни Акчим.

Сужался круг неженатых друзей Заморыша, но и на них уже поглядывали девчата и молодые вдовы. Однажды вечером Сандер ужинал с бабой Акулиной. Прибежал Илья, сын Фёдора

Ивановича, и позвал Заморыша на берег - посидеть с парнями, поиграть в лапту. Там всегда собиралась молодёжь. Но как только появлялась Клавка, немцы расходились по домам. Она была очень красивая: стройная, чернявая, кареглазая и острая на язык. Немцев ненавидела лютой ненавистью, плевала им вслед, кидала камни. Клавка жила у своего деда, Ивана Андреича. Парней своих одноклассников не было, гулять не с кем - одни подростки. А поселенцев она за людей не считала. Уплывала в лодке на Стрелку, за пятнадцать вёрст вверх по реке, на тамошние гулянки. Очень бойкая была, но строптивая и гордая. Одевалась по последней моде. Многие ей завидовали. Работала Клавка на коммутаторе. Гибель Зои лишь добавляла ненависти к этим, ни в чём неповинным молодым парням.

В этот вечер на берегу былолюдно, весело. Это было центром для вечёрок, да и река рядом, покататься можно с девчатами на лодках.

Парни принялись играть в лапту. Девчата сидели на перевёрнутых лодках, лузгая семечки и лукаво поглядывая на игроков. У самой воды сидел Акимыч. Теперь он был перевозчиком. Акимыч мирно плёл сети.

Вдруг, с другого берега раздался крик. Акимыч ловко спустил лодку на воду, взмахнул вёслами. На том берегу опять прокричали. Голос показался деду знакомым, он перекрестился, стал грести медленнее: что-то настораживало. Все с берега следили за дедом.

- Ты кто таков будешь? - спросил Акимыч.

- Что ж ты, старый, своих не узнаешь? - раздалось с того берега.

- А ты назовися, кому говорю, а то ить назад возвернуса!

- Да Зоя это-о-о, Акулины-ы-ы Ванихи-и-и внучка-аааа... Ты чего опешил? Давай, греби быстрее... Я уже охрипла орать-то, чёрт старый, - отозвалось вместе с эхом.

Дед перекрестился. Подплывая ближе к берегу, затрясся в таком ознобе, что чуть из лодки не выпал. Снова перекрестился.

Но девушка уже прыгнула в воду и дёрнула лодку на себя. Тут только дед понял, что она настоящая, но всё же, не вдруг, осмелился дотронуться до неё, чтобы убедиться основательно.

- Да ить, ты, Зоя, убиенная, похоронка ужо была на тибя, дядя твой, Фёдор-от Иваныч, получал и всем читал. А бабушка Акулина грит, тожно, вся неправда в похоронке написана.

Но стройная, в военной форме, в хромовых сапожках, с вещмешком, будто вчера только с войны (а ведь год прошёл уже после Победы-то!) – перед ним стояла живая Зоя (*на фото из домашнего архива: Зоя. 1943г.ст.Прохоровка*). Она ловко запрыгнула в лодку, села напротив деда, уверенно взялась за вёсла и стала грести.

- Не забыли руки, помнят вёсла. А бабушка, значит, не верит в мою гибель? Это хорошо. Не испугается, как ты. А то туда ж – креститься!

Причалив к берегу, они молча вышли из лодки. Зоя взбежала на крутояр, где собралась толпа зевак. Поздоровалась и с улыбочкой, быстрым шагом, почти бегом, направилась к дому. Её сразу же обогнали несколько мальчишек – «гонцы во все концы», побежали сообщать о приезде воскресшей Зои.

Зоя вихрем влетела в избу, сбросила вещмешок и кликнула бабушку. Тишина стояла в избе. Она ещё раз кликнула - и где-то на печи послышалось оханье. Отдёрнув занавеску, Зоя наконец увидела бабушку: та сидела на печи, свесив ноги в валенках, уставившись белыми глазами мимо вошедшей. Зоя медленно приблизилась, обняла её за колени и заплакала. Бабушка признала её сразу, ни о чём не спросила, только стала плакать вместе с ней, целовать долгожданную, приговаривая:

- Я ить, Зоюшка, голубушка моя, сразу не поверила в твою погибель: не кольнуло сердце-то, не заныло. Знать, оно всё знало и не печалило меня, хоть Федюня и не сказывал мне, что похоронку получил, да люди донесли. Но напрасно ждали, что я буду выть. Не получался вой-то, нетути слёз. Ну, вот, миленька моя, теперяча и помирать можно, дождалась я тибя. А пошто поздно так-ту пришла? Где водило ишшо тибя?

Зоя утёрла слёзы, спустила бабушку на пол, подвела к столу, усадила.

- Бабушка! Дорогая моя! Я ведь с дороги. Надо бы баньку истопить, ужин приготовить. Вот тогда-то всё и расскажу, – и ушла топить баню.

Вскоре пришёл Заморыш. Он сразу всё понял. «Наконец-то пабушка дождалась сфюю фнучку. Как она чувствовала, что Соя жива? Что ей коворило об этом? Какое чутьё? Вещая, знать, пабуля. Фот и счастье твоё фернулось. Только теперь фышибет меня отсюда твоя Соя с треском. Фон какая фюенная. Надо, пока она не узнала, кто у пабки ее квартирует, сопирать фещи и шакать снофа ф амбар.» А бабушке сказал только:

- Я, переперусь куда-нибудь, не пуду фам мешать.

Акулина успокоила:

- Да кудый-но ты собрался? Места у нас, чё ли, мало? Ить две избы занимаю, всем хватит. Зои не бойсь, она девка умная, не то что Клавка-дура. Она всё понимает, да и Федюня ей обскажет про тибя. Сиди ужо, за печью присмотри, Зоя затопила баню, надо-де с дороги ей помыться, десять дён добиралась. Вот придёт, сядем кружком, чаю попьём - и она всё нам поведаст о походах своих.

Зоя вошла разврумяненная, вся уже какая-то домашняя, хоть и в солдатской юбке и белой казённой рубаше - гимнастёрку она повесила на вешалку. Принялась накрывать на стол. Развязала вещмешок, достала две банки тушёнки, буханку хлеба и фляжку. В большую миску выложила картошку, в другую вытряхнула содержимое банок, нарезала хлеб. Увидев сидящего на лавке паренька, без церемоний попросила его сбегать в огород - принести зелёного луку. Сандер принёс лук и снова притих в углу на своей лавке; не отрываясь, смотрел на Зою своими голубыми глазищами. Она усадила бабушку, приглашающим жестом указала Заморышу на табуретку и только тогда, когда все разместились, села сама. Открыла фляжку, налила по стопке всем троим. Произнесла и тост:

- За моё счастливое воскресение!

Заморыш от страха и неуверенности трепетал как осиновый лист. Ох как не хотелось ему скандала в такой чудесный вечер! Но торжество прервал шум в сенях. Повалил в избу народ, да с такими криками, шутками. Фёдор Иваныч с семьёй пришёл. Как принялись Зою обнимать, целовать, расспрашивать. Только бабушка в этом гаме не растерялась, всех угомонила:

- Садитесь-ко все за стол и опосля токо спрашивайте. Ишь ведь какие, ироды, чуть девку мне не замяли!

Потихоньку все уселись, успокоились и дали слово Фёдору Ивановичу. Он встал, налил всем самогон из принесённой с собой бутылки, велел поднять стопки и сказал:

- Ну, Зоенька, с прибытием тебя на родину. Слава Богу, что живая и всё обошлось. За тебя!

Все встали. Молча выпили. Как по мановению руки, наступила тишина. Сидели молча, благоговейно, словно теперь только осознав происшедшее.

Бабушка попросила Зою:

- Ну, давай, голубушка, расскажи, где воевала, пошто на год задержалась. Ить, языки есть всякие, будут перемывать-то косточки.

Зоя обвела всех внимательным взглядом. Вздохнула. Повела рассказ неторопливо, смиряя волнение долгими паузами. - В июне 43-го выпустили нас с курсов шоферов в Богородске и сразу отправили в Горький, на автозавод. Там мы получили машины, а после - на платформы и на фронт. Добрались до Москвы. Там сформировали из нас женский автобат. Но оставалось ещё пара часов до отправки эшелона и командир наш, лейтенант Коломиец, решил сводить нас на Красную площадь и на метро покататься.

До Красной площади добрались пешком. Стоим, смотрим, рты поразинули, деревня, одним словом. Кремль, храм великолепный, люди совсем другие. Дух захватило от увиденного. Зашли в метро, а там надо на лестнице спускаться. Она сама тебя везёт, не надо даже шагать. Только вниз, как приедешь, лестница убегает под пол и надо быстро соскочить. А впереди стояла самая громадная девчонка, из Куртамышя, Катя Федосеева, так у неё подошва у сапога попала под ленту и она упала, а мы все на неё. Куча-мала получилась. И смех и слёзы.

Потом командир пробрался через кучу и выдернул Катин сапог, а подошва «уехала» под пол. Пока шли обратно на вокзал заливались от смеха, даже животы заболели. Только Катя шла, прихрамывая без подошвы, и хлопала носом.

Но в вагоне ехал с нами дядя Ваня. Он был и плотник и сапожник и шорник. Он нашёл в своём ящике кусок кошмы и кожи и смастерил Кате подошву. Добрый был дяденька – всем нам в роте вырезал по ложке. А на ручках вырезал разных зверушек, а мне вырезал пупсика. Всю войну с нашей ротой прошёл, возчиком был. А когда узнал, что его семья погибла, то он не вынес такого горя и повесился в саду у госпиталя, на яблоне. Схоронили его с почестями.

Уже ночью из Москвы поехали дальше - машины на платформах, мы в «теплушках».

Перед Курском попали под бомбёжку. Много машин сгорело, но и девчат много погибло, не добравшись даже до места. На оставшейся технике доехали до Курска. Машин всем не хватило. Через пару дней повезли на станцию - получать новые, американские «студебекеры». Большущие, колёса прямо с меня! Еле-еле взбиралась в кабину.

Через неделю – присяга. Принимал сам маршал Иван Семёныч Конев, командующий Первым Украинским фронтом. А восьмого июля началось наступление фашистов. Колонной отправили нас на станцию Прохоровка, под Белгородом.

Основное побоище там и развернулось, под совхозом «Октябрьский». Ох и совхоз же был! Поля с пшеницей и с овощами - конца-края не видать. Только всё это богатство смешали с землёй. Фашист пёр на нас сплошной лавиной. Танки, танки, одни танк. И с нашей стороны их было много. Командир говорил, что-то около тысячи. И в небе вой, треск, гул, мельтешит всё - наши дрались с фрицами.

Ужас что творилось! Пять дней такого сражения! Все поля забили железом. Танки, пушки, самолёты - всё перемешано, всё загромождено горами искорёженного металла. И - трупы, трупы, растерзанные, по всему полю разбросанные. И запах такой. Горели ведь. А земля вся пропиталась кровью. Страшно – не передать. Лучше бы никому этого не видеть... - Зоя помолчала, обвела всех взглядом и продолжила.

-Наша рота возила снаряды на передовую. Обратно - раненых и погибших, что осталось от них. Чего только не натерпелись! Спали в машинах. Сапоги неделями не снимали, они будто приросли к ногам. Девчата тоже, конечно, гибли. Поля-то все были заминированы.

На обратном пути, 12 июля это было, вывозила я раненых. Можно было ехать только там, где сапёры прошли и поставили вешки. Коридор такой получается узкий. А у меня прицеп. А гнать надо было быстрее, чтобы раненых довести до госпиталя. Вот прицеп и занесло, ну и рвануло... взлетели, значит, все. Выбросило меня из кабины метров на пять, ещё и осколками ранило.

Очнулась ночью в мертвецкой, на груде трупов. Видно, когда подбирали нас, решили, что я тоже мёртвая. Стала я кричать. Сторож упал в обморок. Но потом санитары прибежали, меня - на носилки и в госпиталь. Там прооперировали, заштопали. Через месяц уже вернулась я в Курск, в свою роту.

Потом - Сталинград, Чернигов, Киев, Польша... Как-то Бог миловал, больше не попадала в передраги. В марте 1945 года нашу роту вернули в Сталинград на разбор завалов и расчистку полей от металлолома. Потом колхозникам помогли с посевной. Потом расчищали Сталинград. Затем Курск. Опять спали прямо в машинах. Два письма после госпиталя вам посылали, но, видать, не дошли они до вас, раз схоронили меня. Вот и вся история. Чего ещё рассказывать? Война есть война.

Зоя обвела взглядом гостей – кто-то молча утирал слёзы, кто-то причитал и охал.

Было уже за полночь. Гости стали потихоньку расходиться. Зоя помогла бабушке забраться на печь. Заморыш всё так же сидел на лавке, забившись в угол, и молчал. Он прослушал всю историю Зои, удивляясь тому, через что прошла эта деревенская девчонка. И его беды показались ему сказкой.

Глава девятая. Нечаянная любовь

Зоя сама под села к нему на лавку, спросила:

- Ну, а ты чей будешь? Вижу, что не местный.

Заморыш сидел чуть живой от страха. Как ей сказать, кто он? Поймёт ли она? Не выгонит ли его из избы? Вон какая боевая. Он едва пролепетал:

- Спецпоселенец я, из немцев.

- Из каких это немцев? Из пленных что ли? - спросила Зоя.

Он стал рассказывать, с трудом шевеля непослушными губами. Но она слушала молча, только мрачнела да качала головой, сжимая кулачки. Проговорили почти до утра. Теперь она почти всё знала про него. На глазах её блестели слёзы.

- Да какие ж вы фашисты? Такие же горемыки. Сирота ты, как и я. Всё перенесли и столько выпало на нашу долю...

До призыва на фронт Зоя работала зоотехником. Выучилась на курсах в Чердынском техникуме, колхоз посылал. Дядя Фёдор вновь предложил ей эту должность. Колхоз очень нуждался в таком специалисте.

Зоя сразу же направилась на ферму. Там хозяйничала Анна Филипповна. Она приветливо встретила девушку, обняла её, поздравила с возвращением. Зоя осмотрела всех телят, что-то записала в тетрадь и пошла в контору.

По дороге, навстречу Зое, неслась Клавка. Она налетела на Зою, как ураган, чуть с ног её не сбила - и давай обнимать, целовать, причитать над ней. Потом отвела её в сторону и сказала:

- Фёдор Иваныч-то к своей матери поселил немчурёнка, Заморышем все его кличут, а ты теперь как будешь жить там? Ить ты же воевала с этими фашистами, а их тута пригрели, гадёньшей!

Зоя осуждающе поглядела на Клавку.

- Ты хоть что-то знаешь про них? Сколько они пережили, через что им пришлось пройти - дай Бог тебе такого век не видеть. Вы тут, в деревне, хоть и не сладко жили, но ничего подобного не ведали. Нажитого у вас не отбирали, из домов не выгоняли, по стране не раскидывали, под бомбёжками вы не были. Наши мужики погибали на фронте за Родину, за вас; а они-то за что погибали? Нам на фронте людей не хватало, девчат набирали через военкоматы, а здоровых мужиков гноили по лагерям! Бабушка мне сказала, какими их в прошлом году привезли - баржа скелетов! Что они, лично тебе, сделали плохого? Сандер мне столько рассказал, что тебе нигде не прочитать. Мы же даже не слыхивали о такой Республике на Волге. Этих немцев пригласила в Россию царица Екатерина Вторая ещё в 1760-х годах. Она отдала им поволжские степи и неудобицы, которые стояли в запустении. Они всю эту дикую землю засеяли, обработали. Сёла, города настроили. Заводы, фабрики, мельницы, школы, больницы. В 1924 году, когда Сандер родился, их область произвели в Автономную Республику Немцев Поволжья. Богатая, говорит, бала Республика. Но в 1941 году, как началась война, её ликвидировали и весь народ депортировали в Сибирь и Казахстан. Потом всех мужиков от 17 до 60-ти лет отправили в трудармии. Даже женщин забирали, несмотря на маленьких детей. А этот, бедолага, никак не оклемается, выхудал там до скелета. Это же, Клавдя, так страшно, что пришлось пережить им и молча продолжать сносить все унижения и оскорбления... Я прошу тебя, веди себя достойно с ними. Не позорь наш деревенский народ. Эти поселенцы заслужили уважение селян.

Клавка не унималась:

- Всё равно они - немчуря! Своих фашистов к нам заманили, те и захотели весь Союз наш захватить. Неча их защиш-шать! Отца мово убили! А сколько баб овдовело, сколько сирот развели!

Зоя больше ничего ей не сказала, только попросила зайти вечером.

Вечером Клавка пришла с бутылкой самогона и холодцом. Усадили за стол бабушку, выпили по стопочке. Клавка пристала к Акулине: зачем-де пустила к себе немчурёнка. Бабушка отвечала:

- Все взяли немцев на постой, ничего, живут тихо, помогают.

Но Клавка, всё больше распаяясь, ругательски ругала и немцев, и деревенских. Зоя уже устала объясняться с ней. В разгар спора в избу вошёл Заморыш - уставший, пыльный. Клавка подскочила к нему, стала хлестать по лицу, бить в грудь, по голове. Вопила как резаная. Подбежала Зоя, еле-еле оторвала её от Заморыша, оттащила в сторону.

Не помня себя, Заморыш выскочил из избы, побежал на берег. Вскоре, отведя успоившуюся Клавку домой, подошла к нему Зоя. Сандер сидел на перевёрнутой лодке. Несмотря на застенчивость, был он парнем видным; да и Заморышем назвать его было уже нельзя, выправился, щёки стали розоветь - разве что Клавка по злобе так его «величала».

Зоя попросила прощения за Клавкины выходки и села рядом с ним. И вновь проговорили они до самого утра. С Зоей было уютно, спокойно; даже думать о том, что произошло, не хотелось. Вновь рассказывали друг другу каждый о своем - и о таком похожем: о рано ушедших родителях, о том, как спасли их бабушки, о потерянных навсегда и оставшихся в живых друзьях, о том, как остаться человеком в нечеловеческих обстоятельствах. Теперь они напоминали двух воробышков, нахохлившихся и притулившихся один к другому - для тепла.

Такие летние вечера сближали их. К тому же они продолжали жить под одной крышей. Клавка распускала сплетни, что Зоя-фронтвичка уже сошлась с Заморышем. А они и не скрывали своих отношений: утром на работу - вместе, вечером с работы - вместе. Если Зоя задерживалась на ферме, Сандер поджидал её.

В сумерках уходили на поля или гуляли у реки. Скоро они уже почти не расставались. Сандер не мог наглядеться на Зою. От счастья и любви к ней сиял, как молодой месяц. Такого поворота в жизни он не ожидал. Рады за него были и друзья. А Зоя всё любовалась его кристально-голубыми глазами и русыми кудрями. Называла она его ласково - Шурик.

Прошло три месяца и Шурик с Зоей пришли к Фёдору Ивановичу, чтобы он расписал их. Сделать это он не мог: спецпоселенцам не разрешалось регистрировать браки с местными. В деревне уже было несколько таких браков, но все жили без регистрации - просто писали заявление коменданту поселения, прося разрешения жениться без регистрации. Зое пришлось выслушать в свой адрес много неприятных слов, что мол «вот фронтвичка, а выходит замуж за немца», что натерпится она с ним. Но уже ничто и никто не мог им помешать.

Свадьбу сыграли весело: пришла почти вся деревня, все друзья Сандера. Гуляли под открытым небом, на берегу. Поселенцы срубили на берегу три длинных стола, скамейки. Гости шли на свадьбу, неся в руках, кто что имел. Через час стол ломился от угощений, самогона и бражки. Фёдор Иванович произнёс тост за молодых и крикнул: «Горько!» Все встали, чин чинном выпили за молодых. Заморыш от счастья, о котором и не мечталось, летал в облаках. Он понял, что теперь у него начнётся совсем другая жизнь. Всё плохое уже позади. А рядом - его надёжная подруга, жена.

Эти двое счастливых сирот, нашедших друг друга по воле судьбы, ещё совсем недавно, неведавших даже о существовании друг друга, стали моими родителями (на фото из домашнего архива: *Сандер и Зоя 1948г.*)

Друзья Шурика тоже обрели в Писаной вторую родину, завели семьи. Вернуться на родину, которую отняли у них, они не могли. Слово семя одуванчиков, сорвало их

ветром страшных перемен с материнского растения, разнесло по всей стране. И не всем, ох, не всем удалось, цепляясь за землю, пустить корни, чтобы жить и дать потомство.

То были самые тяжёлые и страшные времена в их жизни. Но герои моего повествования выжили, не согнулись перед судьбой.

*«Одуванчики Поволжья!
Ветер перемен нёс вас наугад.
По земле туда, куда возможно,
чтобы не вернуться вам назад.»*